

Висенте Бласко-Ибаньес

ЧИНОВНИК

Висенте Бласко-Ибаньес

Чиновник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167725

Аннотация

«Растянувшись на спинѣ на жесткой постели и оглядывая блуждающимъ взоромъ трещины на потолкѣ, журналисть Хуанъ Яньесъ единственный обитатель камеры для политическихъ, думаль о томъ, что съ сегодняшняго вечера пошелъ третій мѣсяць его заключенія...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Висенте Бласко-Ибаньес

Чиновникъ

Растянувшись на спинѣ на жесткой постели и оглядывая блуждающимъ взоромъ трещины на потолкѣ, журналистъ Хуанъ Яньесъ единственный обитатель камеры для политическихъ, думалъ о томъ, что съ сегодняшняго вечера пошелъ третій мѣсяць его заключенія.

Девять часовъ... Рожокъ на дворѣ сыгралъ протяжныя ноты вечерняго сигнала. Въ корридорахъ слышались монотонно-ровные шаги караульныхъ, и изъ запертыхъ камеръ, наполненныхъ человѣческимъ мясомъ, поднялся мѣрный гулъ, напоминавшій пыхтѣніе далекой кузницы или дыханіе спящаго великана. Трудно было повѣрить, что въ этомъ старомъ, столь тихомъ, монастырѣ, ветхость котораго особенно ясно выступала при разсѣянномъ свѣтѣ газа, спало тысяча человѣкъ.

Бѣдный Яньесъ, вынужденный ложиться въ девять часовъ съ постояннымъ свѣтомъ передъ глазами и лежать среди подавляющей тишины, заставлявшей вѣрить въ возможность существованія міра смерти, думалъ о томъ, какъ жестоко ему приходилось расплачиваться за нарушеніе закона. Проклятая статья! Каждая строчка должна была стоить ему недѣли заключенія, каждое слово – дня.

Вспоминая, что сегодня вечеромъ открывается оперный

сезонъ Лоэнгриномъ, его любимой оперой, Яньесь видѣль въ воображеніи ряды ложъ и въ нихъ обнаженные плечи и роскошныя шеи, сверкающія драгоцѣнными камнями среди блестящаго шелка и воздушныхъ волнъ завитыхъ перьевъ.

Деять часовъ... Теперь появился лебедь, и сынъ Парсифаля поетъ свои первыя ноты среди возбужденнаго ожиданія публики... А я здѣсь! Впрочемъ, и здѣсь – недурная опера.

Да, она была не дурна! Изъ нижней камеры долетали, точно изъподземелья, звуки, которыми заявляло о своемъ существованіи одно горное животное; его должны были казнить съ минуты на минуту за безчисленное множество убійствъ. Это былъ лязгъ цѣпей, напоминавшій звяканье кучи гвоздей и старыхъ ключей, и время отъ времени слабый голосъ, повторявшій: «От... че нашъ, еже е... си на не... бе... сѣхъ. Пресвя... тая Бого... ро... ди... ца...» робкимъ и умоляющимъ тономъ ребенка, засыпающаго на рукахъ у матери. Онъ постоянно тянулъ однообразный напѣвъ, и невозможно было заставить его замолчать. По мнѣнію большинства, онъ хотѣлъ притвориться сумасшедшимъ, чтобы спасти свою шею; но можетъ быть четырнадцатимѣсячное одиночное заключеніе въ постоянномъ ожиданіи смерти дѣйствительно помрачило скудный умъ этого животнаго, жичшаго однимъ инстинктомъ.

Яньесь проклиналъ несправедливость людей, которые за-

ставляли его за нѣсколько страничекъ, нацарапанныхъ въ минуту дурного настроенія, спать каждую ночь подъ убаюкивающей бредъ человѣка, присужденнаго къ смертной казни, какъ вдругъ послышались громкіе голоса и поспѣшные шаги въ томъ же этажѣ, гдѣ помѣщалась его камера.

– Нѣтъ, я не стану спать здѣсь, – кричалъ чей-то дрожащій, визгливый голосъ. – Развѣ я какой-нибудь преступникъ? Я такой же чиновникъ правосудія, какъ вы... и служу уже тридцать лѣтъ. Спросите-ка про Никомедеса. Весь міръ меня знаетъ. Даже въ газетахъ писали про меня. И послѣ того, что меня поместили въ тюрьмѣ, еще хотятъ, чтобы я спалъ на какомъ то чердакѣ, который непригоденъ даже для заключенныхъ.

Покорно благодарю! Развѣ для этого мнѣ велѣли пріѣхать? Я боленъ и не стану спать здѣсь. Пусть приведутъ мнѣ доктора, мнѣ нуженъ докторъ...

Несмотря на свое положеніе, журналистъ засмѣялся надъ бабьимъ смѣшнымъ голосомъ, которымъ этотъ человѣкъ, прослужившій тридцать лѣтъ, требовалъ доктора.

Скова послышался гулъ голосовъ, обсуждавшихъ что-то, точно на совѣщаніи. Затѣмъ послышались приближавшіеся шаги. Дверь камеры для политическихъ открылась, и въ камеру заглянула фуражка съ золотымъ галуномъ.

– Донъ-Хуанъ, – сказалъ смотритель нѣсколько сухимъ тономъ: – вы проведете сегодняшнюю ночь въ компаніи. Извините пожалуйста, это не моя вина. Приходится такъ устро-

ить... Но на утро начальник тюрьмы распорядится иначе. Пожалуйста, сеньорь.

И сеньорь (это слово было произнесено ироническимъ тономъ) вошелъ въ камеру въ сопровожденіи двухъ арестантовъ – одного съ чемоданомъ и узломъ съ одѣяломъ и палками, другого съ мѣшкомъ, подъ холстомъ котораго вырисовывались края широкаго и невысокаго ящика.

– Добрый вечеръ, кабальеро!

Онъ поздоровался робко, тѣмъ дрожащимъ тономъ, который заставилъ Яньеса засмѣяться, и снявъ шляпу, обнажилъ маленькую, сѣдую и тщательно остриженную голову. Это былъ полный красный мужчина лѣтъ пятидесяти. Пальто, казалось, спадало съ его плечъ, и связка брелочковъ на толстой золотой цѣпочкѣ побрякивала на его животѣ при малѣйшемъ движеніи. Его малеінькіе глазки отливали синеватымъ блескомъ стали, а ротъ казался сдавленнымъ изогнутыми и опущенными усиками, похожими на опрокинутые вопросительные знаки.

– Извините, – сказала онъ, усаживаясь: – я побезпокою васъ, но это не моя вина. Я пріѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ и нашель, что мнѣ отвели для спанья какой то чердакъ полный крысъ... – Ну, и путешествіе!..

– Вы – заключенный?

– Въ настоящій моментъ да, – сказала онъ, улыбаясь. – Но я недолго буду беспокоить васъ своимъ присутствіемъ.

Пузатый буржуа говорилъ униженно-почтительнымъ то-

номъ, точно извинялся въ томъ, что узурпироваль чужое мѣсто въ тюрьмѣ.

Яньесь пристально глядѣль на него; его удивляла такая робость. Что это за типъ? Въ его воображеніи запрыгали безсвязныя, совсѣмъ туманныя мысли, которыя, казалось, искали другъ друга и гнались другъ за другомъ, чтобы составить одну цѣльную мысль.

Вскорѣ, когда снова донеслось издали жалобное «Отче Нашъ» запертаго дикаго звѣря, журналистъ нервно приподнялся, точно поймалъ наконецъ ускользавшую мысль, и устремилъ глаза на мѣшокъ, лежавшій у ногъ вновь прибывшаго.

– Что у васъ тутъ? Это ящикъ... съ приборомъ?

Тотъ, казалось, колебался, но энергичный тонъ вопроса заставилъ его рѣшиться, и онъ утвердительно кивнулъ головою. Наступило продолжительное и тягостное молчаніе. Нѣсколько арестантовъ разставляли кровать этого человѣка въ одномъ углу камеры. Яньесь пристально глядѣль на своего товарища по заключенію, продолжавшаго сидѣть съ опущенною головою, какъ бы избѣгая его взглядовъ.

Когда кровать была установлена, арестанты удалились, и смотритель заперъ дверь наружнымъ замкомъ; тягостное молчаніе продолжалось.

Наконецъ вновь прибывшій сдѣлалъ надъ собою усиліе и заговорилъ:

– Я доставлю вамъ непріятную ночь. Но это не моя вина.

Они привели меня сюда. Я протестовала, зная, что вы приличный человек и почувствуете мое присутствие, как худшее, что может случиться с вами в этом доме.

Молодой человек почувствовал себя обезоруженным таким самоунижением.

— Нет, сеньор, я привык ко всему, — сказал он с иронией. — В этом доме заключаешь столько добрых знакомств, что одно лишнее ничего не значит. Кроме того вы не кажетесь мне дурным человеком.

Журналист, не освободившийся еще от влияния романтического чтения юных лет, находил эту встречу весьма оригинальной и чувствовал даже некоторое удовлетворение.

— Я живу в Барселоне, — продолжал старик: — но мой коллега из этого округа умер от последней попойки и вчера, когда я явился в суд, один альгвасиль сказал мне: «Никомедес»... Я ведь, — Никомедес Терруньо. Раз вы не слышали обо мне? Как странно! Мое имя много раз появлялось в печати. «Никомедес, по приказу сеньора председателя ты пойдешь сегодня вечером походом». Я приехал с намерением поселиться в гостиницу до того дня, когда придется работать, а вместо этого меня с вокзала повезли сюда, не знаю, из какого страха или предосторожностей; а для пущей насмешки меня пожелали поместить вместе с крысами. Видано ли это? Раз так обращаются с чиновниками правосудия?

– А вы уже давно исполняете эти обязанности?

– Тридцать лѣтъ, кабальеро. Я началъ службу во времена Изабеллы II. Я – старѣйшій среди своихъ коллегъ и насчитываю въ своемъ спискѣ даже политическихъ осужденныхъ.

Я могу съ гордостью сказать, что всегда исполнялъ свои обязанности. Теперешній будетъ у меня сто вторымъ. Много, не правдали? И со всѣми я обходился такъ хорошо, какъ только могъ. Ни одинъ не могъ-бы пожаловаться на меня. Мнѣ попадались даже ветераны тюрьмы, которые успокаивались, видя меня въ послѣдній моментъ, и говорили: «Никомедесь, я радъ, что это ты».

Чиновникъ оживлялся при видѣ благосклоннаго и любопытнаго вниманія, съ какимъ слушалъ его Яньесъ. Онъ чувствовалъ подъ собою почву и говорилъ все развязнѣе.

– Я также немного изобрѣтатель, – продолжалъ онъ. – Я самъ изготовляю приборы, и, что касается чистоты, то большаго и желать нельзя. Хотите посмотрѣть ихъ?

Журналистъ соскочилъ съ кровати, точно собирался бѣжать.

– Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ. Я и такъ вѣрю...

Онъ съ отвращеніемъ глядѣлъ на эти руки съ красными и жирными ладонями, можетъ быть отъ недавней чистки, о которой онъ говорилъ. Но Яньесу онѣ казались пропитанными человѣческимъ жиромъ, кровью той сотни людей, которые составляли его кліентуру.

– А вы довольны своей профессіей? – спросилъ онъ, желая

заставить собесѣдника забыть его намѣреніе почистить свои изобрѣтенія.

– Да что подѣлаешь! Приходится мириться. Мое единственное утѣшеніе состоитъ въ томъ, что работы становится меньше съ каждымъ днемъ. Но какъ тяжело дается этотъ хлѣбъ! Если бы я зналъ это раньше!

И онъ замолчалъ, устремивъ взоръ на полъ.

– Всѣ противъ меня, – продолжалъ онъ. – Я видѣлъ много комедій, знаете? Я видѣлъ, какъ въ прежнія времена нѣкоторые короли разѣзжали повсюду, возя за собою всегда вершителя своего правосудія въ красномъ одѣяннн сь топоромъ на плечѣ и дѣлали изъ него своего друга и совѣтника. Вотъ это было логично! Мнѣ кажется, что человѣкъ, на обязанности котораго лежить вершить правосудіе, есть персона и заслуживаетъ нѣкотораго уваженія. Но въ наши времена всюду лицемѣріе. Прокуроръ кричитъ, требуя головы подсудимаго во имя безчисленнаго множества почтенныхъ принциповъ, и всѣмъ это кажется справедливымъ. Являюсь потомъ я для исполненія его приказаній, и меня оплевываютъ и оскорбляютъ. Скажите, сеньоръ, развѣ это справедливо? Если я вхожу въ гостиницу, меня вышвыриваютъ, какъ только узнаютъ, кто я. На улицѣ всѣ избѣгаютъ соприкосновенія со мною, и даже въ судѣ мнѣ бросаютъ деньги подъ ноги, точно я не такой же чиновникъ, какъ они сами, точно мое жалованье не входитъ въ государственную роспись. Всѣ противъ меня. А кромѣ того, – добавилъ онъ еле слышнымъ го-

лосомъ: – остальные враги... тѣ, другіе, понимаете? Которые ушли, чтобы не возвращаться, и тѣмъ не менѣе возвращаются, эта сотня несчастныхъ, съ которыми я обходился ласково, какъ отецъ, причиняя имъ какъ можно меньше боли, а они... неблагодарные, приходятъ, какъ только видятъ, что я одинъ.

– Какъ возвращаются?

– Каждую ночь. Есть такіе, которые беспокоятъ меня мало; послѣдніе даже почти не беспокоятъ; они кажутся мнѣ друзьями, съ которыми я попрощался только вчера. Но старые, изъ первыхъ временъ моей службы, когда я еще волновался и чувствовалъ себя трусомъ, это настоящіе демоны, которые, увидя меня одного въ темнотѣ, сейчасъ же начинаютъ тянуться по моей груди безконечной вереницей, и душатъ, и давятъ меня, касаясь моихъ глазъ краями своихъ савановъ. Они преслѣдуютъ меня всюду, и, чѣмъ старѣе я становлюсь, тѣмъ неотвязчивѣе дѣлаются они. Когда меня отвели на чердакъ, я увидаль, что они выглядываютъ изъ самыхъ темныхъ угловъ. Потому-то я и требоваль доктора. Я былъ боленъ, боялся темноты; мнѣ хотѣлось свѣта, общества.

– И вы всегда одни?

– Нѣтъ, у меня есть семья тамъ въ моемъ домикѣ въ окрестностяхъ Барселоны. Эта семья не доставляетъ мнѣ непріятностей. Она состоитъ изъ кота, трехъ кошекъ и восьми куръ. Они не понимаютъ людей и поэтому уважаютъ и любятъ меня, какъ будто я – такой же человекъ, какъ всѣ остальные. Они тихо старѣются подлѣ меня. Мнѣ ни разу въ

жизни не пришлось зарѣзать курицу. Мнѣ дѣлается дурно при видѣ текущей крови.

Онъ говорилъ это прежнимъ жалобнымъ, слабымъ, униженнымъ тономъ, точно чувствовалъ, что у него медленно отрываются внутренности.

– И у васъ никогда не было семьи?

– У меня-то? Какъ у всего міра! Вамъ я все расскажу, ка-
бальеро. Я уже такъ давно ни съ кѣмъ не разговаривалъ!..
Моя жена умерла шесть лѣтъ тому назадъ. Не думайте, что
она была какой-нибудь пьяной, грубой бабой, какою рисуется
всегда въ романахъ жена палача. Это была дѣвушка изъ
моей деревни, съ которой я повѣнчался по окончаніи воин-
ской повинности. У насъ родились сынъ и дочь. Хлѣба было
мало, нужда – большая. Что подѣлать? Молодость и нѣкото-
рая грубость характера толкнули меня на эту службу. Не ду-
майте, что это мѣсто досталось мнѣ легко. Пришлось даже
прибѣгнуть къ протекціи.

Вначалѣ ненависть людская доставляла мнѣ удовольствіе:
я гордился тѣмъ, что внушаю ужасъ и отвращеніе. Я испол-
нялъ свои обязанности во многихъ судахъ. Мы исколесили
поль-Испаніи, пока не попали наконецъ въ Барселону. Какое
это было чудное время, лучшее въ моей жизни! Втеченіе пя-
ти или шести лѣтъ не было работы. Мои сбереженія превра-
тились въ хорошенькій домикъ въ окрестностяхъ города, и
сосѣди относились съ уваженіемъ къ дону Никомедесу, сим-
патичному сеньору, судейскому чиновнику. Мальчикъ, су-

щій ангель Божій, роблящій, скромній, тихій, служивъ въ одномъ торговомъ підприємтіи. Дѣвочка – какъ жаль, что у меня нѣтъ съ собою ея карточки! – была настоящимъ херувимомъ съ голубыми глазами и русою косою толщиною въ мою руку.

Когда она бѣгала по нашему садику, то походила на одну изъ тѣхъ сеньоритъ, что выступаютъ въ операхъ. Она не могла пойти съ матерью въ Барселону безъ того, чтобы за нею не увился какой-нибудь молодой человекъ. У нея былъ и настоящій женихъ – славный малый, который долженъ былъ скоро стать врачомъ. Но это касалось ея самой и матери. Я дѣлалъ видъ, что ничего не вижу, какъ всякій добродушно-слѣпой отецъ, который не выступаетъ до послѣдней минуты. Ахъ, Боже мой, какъ мы были счастливы тогда!

Голосъ Никомедеса все болѣе дрожалъ. Его маленькіе голубоватые глаза были затуманены.

Онъ не плакалъ, но его грубая тучная фигура вздрагивала, точно у ребенка, дѣлающаго усилія, чтобы сдержать слезы.

– Но вотъ случилось, что одинъ негодяй съ крупнымъ прошлымъ попался въ руки властей. Его приговорили къ смертной казни, и мнѣ пришлось вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, когда я почти забылъ уже, въ чемъ именно состоитъ моя служба. Что это былъ за день! Полгорода узнало меня, увидавъ меня на эшафотѣ. Нашелся даже журналистъ, – эти люди вѣдь хуже чумы (вы ужъ извините!) – который прослѣдилъ всю мою жизнь, описавъ въ газетѣ и меня,

и мою семью, точно мы были дикіе звѣри, и утверждая съ изумленіемъ, что мы выглядимъ, какъ приличные люди.

Мы вошли въ моду, но въ какую модуі Сосѣди стали за-пирать двери и окна при видѣ меня. И несмотря на то, что городъ великъ, меня всегда узнавали на улицахъ и осыпали ругательствами. Однажды, когда я вернулся домой, жена встрѣтила меня, какъ сумасшедшая. Дѣвочка! Дочка!.. Я за-сталъ ее въ постели съ обезображеннымъ, позеленѣвшимъ лицомъ – а она была такая хорошенькая! – На языкѣ было бѣлое пятно.

Она отравилась, отравилась фосфоромъ и терпѣла вте-ченіе долгихъ часовъ ужаснѣйшія муки, молча, чтобы по-мощь явилась слишкомъ поздно... И такъ и вышло. На слѣ-дующій день ея уже не было въ живыхъ. Бѣдняжка была оскорблена въ чувствѣ собственнаго достоинства. Она лю-била своего докторишку всею душою, и я самъ прочиталь письмо, въ которомъ тотъ прощался съ нею навсегда, узнавъ, чья она дочь. Я не оплакиваль ея. Развѣ у меня было на это время?

Ве: ь міръ ополчился противъ насъ. Несчастье надвига-лось со всѣхъ сторонъ. Тихій семейный очагъ, который мы устроили себѣ, трещаль по всѣмъ швамъ. Мой сынъ... его тоже выгнали изъ торговаго дома, и я тщетно искаль для него новаго мѣста или поддержки у его друзей. Кто станеть разговаривать съ сыномъ палача? Бѣдняжка! Какъ будто ему предоставили выбрать отца передъ тѣмъ, какъ явиться на

свѣтъ! Чѣмъ онъ былъ виновать, что я – его отецъ? Онъ проводилъ весь день дома, избѣгая людей, въ одномъ уголкѣ садика, печальный и подавленный послѣ смерти сестры. – О чемъ ты думаешь, Антоніо? – спрашивалъ я его. – Папа, я думаю объ Анитѣ. – Бѣдный мальчикъ обманывалъ меня. Онъ думалъ о томъ, какъ жестоко мы ошибались, воображая себя одно время равными другимъ людямъ и имѣя дерзость стремиться къ счастью. Ударъ былъ ужасенъ. Подняться было невозможно. Антоніо исчезъ.

– И вы ничего не узнали о своемъ сынѣ? – спросилъ Яньесъ, заинтересовавшись этимъ тяжелымъ рассказомъ.

– Нѣтъ, узналъ черезъ четыре дня. Его выловили изъ воды противъ Барселоны. Онъ запутался въ рыбацкихъ сѣтяхъ. Тѣло распухло и начало разлагаться. Вы, навѣрно, понимаете, остальное. Бѣдная старушка угаала понемногу, какъ будто дѣти тащили ее къ себѣ. А я, дурной, безчувственный человекъ, я остался здѣсь одинъ, совсѣмъ одинъ, даже безъ возможности пить, потому что когда я напиваюсь, то являются они, знаете, они, мои преслѣдователи и сводятъ меня съ ума, размахивая своими черными саванами, точно огромные вороны. Тогда я чуть не умираю. И несмотря на это, я не испытываю ненависти къ нимъ.

Несчастные! Я чуть не плачу, видя ихъ на плахѣ.

Не они, а другіе заставили меня страдать. Если бы люди всего міра слились въ одно лицо, если бы у всѣхъ незнакомыхъ людей, укравшихъ у меня моихъ близкихъ своимъ пре-

зрѣиємъ ненавистью была одна общая шея, и ее предоставили бы въ мои руки, о, какъ я махнулъ-бы по ней!.. съ какимъ наслажденіемъ!

И выкрикивая это, онъ вскочилъ на ноги, ожесточенно размахивая кулаками, точно онъ сжималъ воображаемую рукоятку. Это было уже не прежнее робкое, пузатое созданіе съ жалобнымъ видомъ. Въ его глазахъ сверкали красныя искры, похожія на брызги крови. Усы встали дыбомъ, и ростомъ онъ казался теперь выше, какъ-будто спавшій въ немъ дикій звѣрь проснулся и страшно вытянулся во весь ростъ.

Въ тишинѣ тюрьмы все яснѣ слышался мучительный напѣвъ, несшійся изъ нижней камеры: «Ог... че нашъ, иже еси... на небесѣхъ»...

Донъ Никомедесъ не слышалъ его. Онъ яростно ходилъ по камерѣ, потрясая шагами полъ, служившій его жертвѣ крышею. Наконецъ онъ обратилъ вниманіе на этотъ однообразный жалобный стонъ.

– Какъ поетъ этотъ несчастный! – пробормоталъ онъ. – Какъ далекъ онъ отъ мысли, что я здѣсь надъ его головою!

Онъ сѣлъ, обезсиленный и просидѣлъ молча долгое время, пока его мысли, его стремленіе къ протесту не вынудили его снова заговорить.

– Видите ли, сеньоръ, я знаю, что я – дурной человѣкъ, и что люди должны презирать меня. Но что раздражаетъ меня, это отсутствіе логики. Если то, что, я дѣлаю, есть преступленіе, то пусть уничтожатъ смертную казнь, и я сдохну отъ

голода гдѣ-нибудь въ углу, какъ собака. Но, если необходимо убивать ради спокойствія добрыхъ людей, то за что же ненавидятъ меня? Прокуроръ, требующій головы преступника, былъ бы ничѣмъ безъ меня, безъ чловѣка, который исполняетъ его требованіе. Всѣ мы колеса одной и той же машины, и – видитъ Богъ! – всѣ мы заслуживаемъ одинаковаго уваженія, потому что я – чиновникъ... съ тридцатилѣтней службой.